

архитектор Доксиадис выпускал специальный интернациональный журнал «Экстикка». Существует принципиальная градостроительная дилемма: композиционно пространственный ансамбль должен быть решен однозначно пропорционально и соразмерно. Но как этого достичь, если он живой? Должен расти и изменяться. У меня возник профессиональный «закидон» – я изобрел, как надо, и назвал это способом «сила руки – шагающие города». Чтобы было удобно и красиво, каждый жилой массив или район должен компоноваться совершенно законченно, как целостная композиция, возможно из типовых элементов, обязательно по общему размеру – соответственно реально имеющемуся строительному ресурсу. Как размер кирпича соответствует силе человеческой руки. А между собой «кирпичи» визуальнo композиционно связывать не нужно, утилитарно по-современному их может объединять только скоростной транспорт. Получается «антигород», «шагающий город». Это должно избавить от беды неоконченных прерванных композиций, о которые часто спотыкаешься, например, в Москве (недостроенные дома №19 Парусникова и Гольца на Тверской, громадный пол-ансамбль Синявского на Таганке). Обсуждали это в СНО. Прорабатывал эту тему потом в дипломном проекте, даже продолжаю экспериментировать до сих пор. А тогда очень интересно было проверить, как обстоит дело с целостностью в наших новых, бурно строящихся городах?

И вот, случай помог организовать научную студенческую экспедицию по Ангарску – Иркутску – Шелехову – Братску. Нас было четырнадцать человек – 4 девушки и 10 парней. Два месяца работали на стройке в Тайшете, потом нас бесплатно повезли по нашему маршруту. Дорога Тайшет – Лена еще была в стадии строительства, ехать можно было хоть на крыше вагона. Организовано все было по советски: рекомендательные письма к главным архитекторам городов давали нам и кров над головой, и доступ к нужным материалам. Тогда, передавая ему письмо как главному архитектору области, я впервые познакомился с Борисом Михайловичем Кербелем. Письмо было от

личного друга – нашего «кафедрала» Николая Харлампиевича Полякова. Приняли нас очень хорошо.

Природа нас очаровывала, а вот градостроительство огорчало. Вот она какая, пока еще малоэтажная, полудеревянная, проектно недоорганизованная растущая индустриальная Сибирь! Оказалось, что взрослых профессионалов, дядь и тетя, в отличие от нас, проблема композиционной целостности или не интересует, или у них нет никаких возможностей ее решать. Только в Ангарске имелся законченный ансамбль центра. Ленинградскими архитекторами был тщательно проработан и качественно осуществлен в натуре комплекс, включающий и въезд с пропилеями и главную площадь Ленина. На углу площади – башня со шпилем и городскими часами. Главные здания с портиками и ризалитами. Но трех-четырёхэтажный масштаб застройки уже явно отставал от истинных размеров растущего индустриального города. Вокруг этого импозантного минигорода оказались разбросанными разношерстные, композиционно брошенные поселки.

В Иркутске новая застройка не велась комплексно. Ни у Шелехова, ни у Братска внятных генпланов не было. «Городской» характер этих молодых супергородов пока не ощущался. По мере понимания ситуации то и дело возникало, поднималось желание скорее вмешаться! Сделать лучше, красивее. Чтоб дома и люди не были такими чумазыми, чтоб дети ощущали искусство целостного города на его улицах, да и просто чтобы все выглядели и питались получше. Ведь за плечами – громадная мощь страны!

Каким сделать итоговый доклад об экспедиции? Огорчила обнаруженная безалаберность, неорганизованность градостроительной практики, никакого учета «силы руки»! Но не пристало желторотым юнцам учить взрослых, да и действительно, рецептов конкретных у нас пока ведь и не было. По итогам экспедиции, кроме зачитывания констатирующих скромных текстов, сделали выставку «Сибирь вблизи». Живопись и фотографии, и на красном бархате застекленных витрин кедровые шишки, багульник, образцы породы из котлована Братской ГЭС, широкополая форменная рабочая

> Экспедиция, первая фаза, работа. Апарин, Пхор, Воронежский, Чемерис, Серебрянский, Лежава.

шляпа с накомарником, меню рабочей столовой. Романтика!

Проектную практику, преддипломы и дипломы работали по темам Иркутска и Шелехова. Перед распределением в наш институт приезжал ответственный работник области (Журавлев, по-моему) и приглашал. Мечта приобретала реальность. Из 14 участников нашей экспедиции шестеро изъявили желание ехать в Иркутск на постоянную работу. (Не успел похвастаться – я был инициатором, одним из центральных организаторов, и даже значился начальником этой нашей студенческой экспедиции).

«Вот мы и дома!»

Осень – замечательное время года в Иркутске. А тут еще всё аккуратно помыли, отремонтировали и покрасили. Потому что город ждал президента США Эйзенхауэра «с ответным визитом». Но над Уралом сбили коварного шпиона Пауэрса на его разведывательном самолете. Отношения с США разладились, и вместо президента в отглаженный Иркутск приехали мы.

Новую проектную организацию разместили в главном здании города – Горсовете на главной площади имени Кирова, в главном зале – актовом. Проход к кабинетам слева отгородили барьером, подиум сцены не разбирали, и все плотно заполнили рабочими столами. На приподнятом подиуме, бывшей сцене, стояли столы архитекторов. Повернешь голову – «сверху» всё видишь, кто чем занимается. Началась новая, совершенно не похожая на московскую, вожделенная практическая жизнь!

Основное из работ

Из вороха переживаний, вариантов, споров, выполненных и сорванных сроков, озарений и провалов, стараюсь выбрать существенное.

Первыми моими опусами оказались пристройка спортзала к школе на 2-й Железнодорожной улице и сквер у трамвайного круга на улице того же названия. Спортзал запроектировали максимально просто. А вот

с рисунком сквера и цветочной клумбы в нем я усложнил. Возился долго. Возможных вариантов было бесконечное множество, помучился, пытаюсь «ответить» характеру соседней застройки и ритмам, настроению проходящих мимо пешеходов. Многострадальным помощником-техником оказалась чудесная Леночка Измайлова. Наконец, сдали. А думать, оказывается, надо было и о другом! Получил выговор за отсутствие инженерной подготовки, вода смыла заготовленный грунт.

Первые проекты планировки

Генплан Нижнеудинска с архитектором Валею Мешковой и города Слюдянки с Ларисой Крупской. Объемы нового строительства мизерны. Упорядочение автомобильного движения и возможного развития услуги в будущем. Просто выбор улочек для закрепления красными линиями. Но нужно, чтобы в целом получилось красиво, мучился и мучил. Интересно, в натуре, на земле, будет заметно, что рисунок улиц с птичьего полета гармоничен? Я уверен, будет!

Наконец, первая большая работа – проект планировки северо-западного, Ленинского района города Иркутска. Тут же следом – проекты детальных планировок «Старо-Ленино» и «Ново-Ленино». С Людью Гольцовой и Викторией Озеровой.

Тогда нормативным документом по градостроительству был только ПИН, тоненькая синяя книжечка. В ней ничего не было о «ступенях» обслуживания типа городской район – микрорайон – жилая группа. Когда стали делать одновременно разные стадии с учетом скорого начала строительства, пришлось самостоятельно подумать о «весе», о распределении общей ПИН-овской нормы объектов обслуживания по этим «ступеням». Прикинули, обсудили, поспорили, приняли. Нормативно подобное было закреплено только спустя 6 лет.

Тем временем «в бригаде» шли и другие серьезные работы.

Люда Гольцова. Здание Иркутского Педагогического института на Нижней набережной. Это – в основе при-

вязка типового проекта с переделкой на сейсмику. Здание быстро и энергично стали строить.

Школа на 960 учащихся на улице Мира в Старо-Ленино. Переделка типового проекта на сейсмику вылилась фактически в разработку индивидуального комплекса. Исключительные творческие и волевые качества Людмилы позволили ей выполнить эту титаническую работу в короткий срок, с оригинальным и высоким архитектурным качеством, обеспечив своевременный ввод школы к сентябрю 1963 года.

Викторина Озерова. Срочным, сложным и трудоемким было проектирование скругленного схода к Ангаре на самом ответственном месте, напротив улицы Карла Маркса (Большой). Делалось по эскизу главного архитектора города Виктора Петровича Шматкова. Кроме задач композиции и рисунка, приходилось ломать голову, чтобы выразить в чертежах сложные сочетания скругленных и наклонных плоскостей, да еще с учетом строгих требований ГОСТ на номенклатуру изделий из естественного камня. Чудом справилась.

Из интересных тем был еще парк на острове Юность, который постарались сделать «ландшафтным», с минимумом вмешательства в природу. Еще – «благоустройство повышенной эффективности» кварталов Усолья, попавших в зону вредности; их максимально заполнили зеленью. Еще – пешеходная зона на главной улице Старо-Ленино – Сибирских партизан. Новая тема по тем временам: композиции из малых форм, цветников и скамеек.

ПДП Ново-Ленино

Всегда хочется сделать проект максимально близко к принципиальному, «идеальному», без случайного и неопределенного. Тогда, в 1960-61 годах верилось, что у нас действительно будут строиться микрорайоны по ясным идеям свободной планировки, повенчанной с зеленью парковых массивов, с лаконичной схемой проездов. Такое и постарались сделать. Тем более на краю города, рядом с существующим лесом-тайгой.

Палитра жилья – скуднее не бывает, только пятиэтажки длиной три или четыре секции, серия 1-335. Ну

и пусть! Композиция – чистые «веточки», с внутренними улочками, растущие из узелков с общественным транспортом, обслуживанием, связью с производством, и обращенные к природе, к зелени. Инженерные системы выполнены соответственно композиции, изнутри, «сцепками» по подвалам. Так что снаружи улицы не нужны.

После утверждения проекта последний факт вызвал вопросы у геодезической службы города. Как выносить в натуру красные линии и красные отметки, если снаружи улиц нет? Руководил геослужбой замечательный, культурнейший инженер по фамилии Людвиг (а его имя я запомнил). Ради удобства жителей и победы современной архитектуры согласился отступить от инструкций, и «красное» вынесли в натуру по пешеходным дорожкам с нагорными канавками.

К нам приехала из Москвы профессиональная инспекция – В. С. Симбирцев и В. С. Колесников. Им понравилось. Потом – «ученые», Ю. П. Бочаров и Наталья Фрезинская. Тоже похвалили и ступенчатое обслуживание, и «веточки». Хотели взять материалы опубликовать. Но мне показалось, что только я сам смогу написать, чтобы и о недосказанном, а не просто констатировать. Вот так до сих пор и тяну.

IV микрорайон Ново-Ленино, сказка

Главный мой построенный в Иркутске объект начался сказкой.

Осенью 1962 года я собирался вместе со Славой Воронежским и Витей Чемерисом в замечательную поездку «для творческой молодежи Сибири» в Италию на 40 дней. А пока я был размещен в общежитии, на другом берегу Ангары. Дел бывало много, часто ленился ездить. И наш замечательный, добрейший и внимательный завхоз, Иннокентий Петрович Ляпунов, оборудовал в рабочем помещении добавочный тюфяк и выдал постельные принадлежности.

Суббота, 9 вечера, темно. Телефонный звонок, меня приглашает «прямо сейчас поскорей пройти в кабинет к Председателю Облисполкома» наш директор, Вячеслав Иванович Никитин. Перебежал через площадь, встретили, провели.

^ Экспедиция. Лера Аптекман (Воронежская), Чесаков, Лежава.

^ Экспедиция. Чемерис и Воронежский, Братск.

^ Экспедиция.
Слава Воронежский,
Гера Орлов и др.

Программа XV конферен-
ции СНО МАРХИ, 1958 г.

Кабинет Председателя полон усталыми солидными людьми, накурено. Что до моего появления говорили, не знаю. Меня председатель (собрания и Облисполкома), Виктор Федорович Мальцев, с хода спрашивает: «Хотите построить в натуре элемент своего диплома? Но рабочую документацию нужно выполнить в очень сжатые сроки, до «белых мух»!». «А как Италия?». «Потом успеешь, новое время еще только начинается». «А как кадровое, информационное, материальное обеспечение?». Солидные люди не рассмеялись, но переглянулись, заулыбались. «Будет тебе обеспечение!», и вздохнули с облегчением.

В понедельник двигали столы, пересаживались. Во вторник на обкомовской «Волге» поехали в Ангарск, смотреть продукцию исполнителя, стройкомбината «п/я 91». Менее чем за полтора месяца подготовили чертежи, и стройка развернулась мощным, индустриальным, по новому волнующим, поучительно-захватывающим слаженным оркестром.

Кстати, через сколько-то лет, я случайно встретил Вячеслава Ивановича Никитина. Я уже работал в Москве, он в Ленинграде. Мы тепло обнялись и заговорили. Но... Смотрел, слушал и не узнавал. Передо мной был просто милый человек, но тогда-то, в Иркутске, он же светился! Вот почему «тогда» мы взяли и сделали!

IV микрорайон Ново-Ленино, биль

Эпизод с этим микрорайоном – маленький кусочек истории нашей большой страны. Ново-Ленино не само по себе, ему повезло. Оно возникло из-за резкого перелома в судьбе стратегического соседа – города Ангарска.

В прошлой Великой Отечественной болевой точкой фашистской Германии был недостаток нефти, то есть горючего. Немцы искали выход, и им удалось пострить чудо тогдашних технологий – комплекс по производству бензина из бурого угля, завод имени Адольфа Гитлера в Силезии. А снабжение горячим чаем нашей армии на востоке и севере тогда, без нефти Сибири, тоже требовало дополнительных решений. И,

ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДОКЛАДОВ И НАУЧНЫХ СООБЩЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА XV КОНФЕРЕНЦИЮ ПО РАЗДЕЛАМ

Раздел I. Материалы летней комплексной экспедиции 1958 г. по городам Иркутской области:

1. Сегодня и завтра городов Иркуттин.
Студенты V к. Воронежский С., Орлов Г., Пхор Е.
2. Некоторые вопросы промышленного строительства в Иркутской области.
Студенты V к. Корнилов В., Орлов Г., Погодин Н., Чесаков Р.
Консультанты: действительный член АСИА СССР, профессор И. С. Николаев, и. о. проф. Е. М. Попова.
3. Типы жилых домов, используемых в строительстве Иркутской области.
Студенты V к. Антекман В., Лежава И., Серебрянский В., Шурин Е.
Консультант – член-корр. АСИА СССР В. В. Бабуров.
4. Важнейшие вопросы планировки и застройки новых городов Иркутской области.
Студенты V к. Александрова А., Аварин В., Воронежский С., Пхор Е., Резакова Л., Чемерис В.
Консультанты: член-корр. АСИА СССР В. В. Бабуров, доцент Л. Р. Куракин.

Раздел II. Практика архитектуры и строительства в СССР и за рубежом.

5. Анализ проектируемых норм и сети общественных сооружений и предприятий города Запорожье (совместно с НИИ АСИА СССР).
Студенты V к. Горшков С., Климов В., Пекарева О., Савицкая О., Соколовский С.
Консультант – сотрудник АСИА СССР Н. С. Платонова.
6. Решение вопросов переселения колхозов и деревни Семеновское на новую территорию в связи с плановой застройкой одного из кварталов Юго-Запада Москвы (по материалам обследования совместно с НИИ Главмосстрой).
Студенты VI к. Журун Н., Крогизц В.
Студенты V к. Гутнов А., Звездин А.
Руководители: доцент Б. Н. Соколов, М. Г. Толстой.

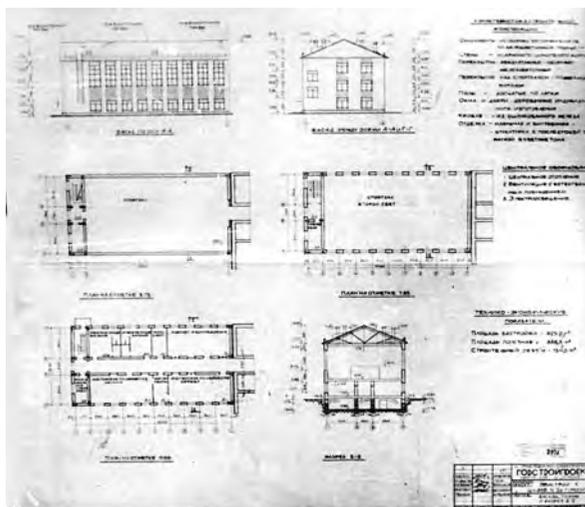
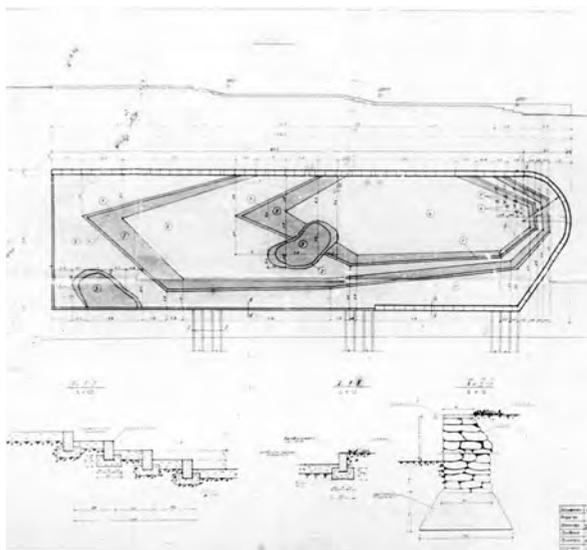
когда захватили Силезию, постарались немецкое чудо переместить, и заставить работать на Черемховском буром угле.

Сначала, как рассказывают, агрегаты привозили и просто сбрасывали с откоса вдоль железнодорожных путей. Потом выбрали место, стали строить город у реки Китой. Так возник Ангарск и «комбинат 16». С годами, конечно, набор полезностей, производимых Ангарском, расширился. Растущий город обзавелся мощным домостроительным комбинатом – «п/я 91».

Тем временем геологи, опираясь на научные прогнозы, целенаправленно и методично искали сибирскую нефть. В 50-е годы разведали месторождения в Западной Сибири. А в марте 1962 года, на севере Иркутской области, у села Марково, был разведан, пробурен и забил, с глубины более 2 километров, знаменитый мощнейший фонтан кембрийской нефти, богатой бензином. Очевидно, этот факт послужил основой для пересмотра перспектив развития Ангарска. Мощности домостроителей высвободились. Рядом был старинный Иркутск, богатый культурой и архитектурой, но с острым дефицитом жилья (тогда средняя норма по городу составляла 6 м² на человека). Вот и решили «кинуть» их в Ново-Ленино, возводить жилой массив на северо-западной окраине Иркутска (со стороны соседнего Ангарска). Вот такое стечение обстоятельств.

Когда стали вводить дома, попросил поселить меня там. Разрешили даже выбрать квартиру. И вот, я на 4 этаже в корпусе, замыкающем композицию группы, из окна видно всё. Запись в блокноте: «В воскресенье очень много белья во дворе сушится; больше, чем в обычные дни».

Конечно, жилые дома – основа решения жилищной проблемы. Но использовать их без всего остального, что составляет город, люди не могут. Пример Ново-Ленино показал это сурово и жестоко. Выпихнутые из города жилищной нуждой, здесь люди мучились из-за плохого транспорта и дырявого обслуживания. Это и есть вопросы к градостроителю. Как начинающий профессионал, я твердо запомнил этот урок. Хочу, чтоб

< Сквер на 2-й Железнодорожной

< Пристройка спортзала к школе на 2-й Железнодорожной

так же четко, с моих слов, это увидели и ощутили мои коллеги. Не селить же всех градовцев, ради науки, в подобные холодильники! Так что, «комплексность» – не научный термин, а продукт потребления, необходимый как хлеб и вода.

Руководство области настойчиво занималось вопросом строительства новых производств в Ново-Ленино – в промзоне, запроектированной на другой стороне магистрали – улицы Розы Люксембург. Раньше всего должен был заработать завод керамических конденсаторов, выводимый из Москвы. Но в те три года, что я там жил, этот завод к нам так и не приехал. Так все и ездили автобусами туда и обратно, на работу и домой после трудов, каждый день.

До центра города было 18 километров. Через промзоны, заболоченную пойму, по мосту через Ангару. Особо тяжело было в суровую зиму. Автобусы ночевали на пустыре около домов. Костры горели всю ночь. В пять часов начинали разогревать моторы. Когда влезал в промерзший экипаж, ни до чего железного нельзя было прикоснуться. Даже в толстой перчатке, возьмешься за никелированный поручень – прилипнешь.

Строитель, комбинат «п/я 91» быстро и ловко выпускал панели, годные только для жилых домов, и из них нельзя было делать объекты обслуживания. И кабинеты поликлиники, и магазины – всё приходилось размещать в «квартирах» первых этажей. С трудом приспособлялись под новые нужды небольшие, 2.5 м высотой помещения. Сложно было и работать – обслуживать и обслуживаться.

Особенно болезненна оказалась проблема с детскими учреждениями. Ближайший детский сад находился возле станции Иннокентьевка, километрах в трех. Морозными утрами, задолго до рассвета, родители начинали собираться в кучу. У каждого саночки и пишущий сверточек – закутанное чадо. Санки связывали длинным поездом. При свете ручных фонариков, тщательно охраняемый и подталкиваемый со всех сторон караван двигался в нелегкий переход.

Примерно через полтора года, нарушая разные СНиПы и инструкции, всё же запроектировали и собра-

ли из панелей серии 1-335 столь необходимое детское учреждение. Но какой там стоял запах! Бедные детишки, бедные воспитатели. Не зря нормы требуют для детских учреждений высоких потолков и просторных окон!

В размещении прочих общественных объектов я принимал участие не только как проектировщик. Жителям известно было, в какой квартире я живу. Приходили и с жалобами, и с предложениями. Вроде, «вот там – устроить еще пункт приема того-то». Путь был проторенный. Я с этим шел в УКС, вместе – выше по этажам, в отделы Исполкома, и, как правило, вопрос решался положительно и оперативно.

Городские власти относились к ново-ленинцам внимательно и заботливо. Устраивались выездные спектакли, лекции, концерты, льготные распродажи. Даже с билетами на автобус что-то удалось сделать, они были почти бесплатные. Когда через несколько лет в Москве мне опять довелось вести застройку нового жилого образования на окраине города, разница в отношении властей к новоселам показалась разительной. Возможно, это случайность, но как-то так, очень поразному получилось с включением наружного освещения. В Ново-Ленино пешеходные проходы к заселяемым домам обычно оперативно оборудовались деревянными слегами и освещались. Кто за это платил, кому – в голову не приходило интересоваться. В Москве, в 1-м микрорайоне Орехово-Борисово, вышло иначе. Поздняя осень, гололед. С темнотой люди начинают падать, калечить ноги и расквашивать носы. Но смонтированную систему наружного освещения несколько недель не включали по бюрократической причине, кто-то что-то не мог передать кому-то на баланс.

Я до сих пор ищу ответ на вопрос, правильно ли сделал Виктор Федорович Мальцев, что решил в таких условиях строить, а значит заселять Ново-Ленино? Грядущие трудности были ему заранее известны. Видимо, правильно решил? Жилье появилось, и надежда на то, чтобы обустроить его до того момента, когда нужно будет сносить по старости, достаточно реальна.

^ Благоустройство квартала в гор. Усолье-Сибирском

^ Генплан города Слюдянки

Но почему у нас всё так сурово? В конце 1965 года я серьезно заболел. Думаю, имею право сказать, что надорвался, что силы и здоровье отдавал, чтоб строились эти дома как можно удобнее и красивее. Навещая меня в больнице, Витя Чемерис принес городской «Бюллетень по обмену жилплощади», который только начал выходить. Мы посмотрели – в конце каждого объявления было написано – «согласен на любой район, кроме Ново-Ленино». Обидно. Но к сожалению, объективно.

Усолье-Сибирское

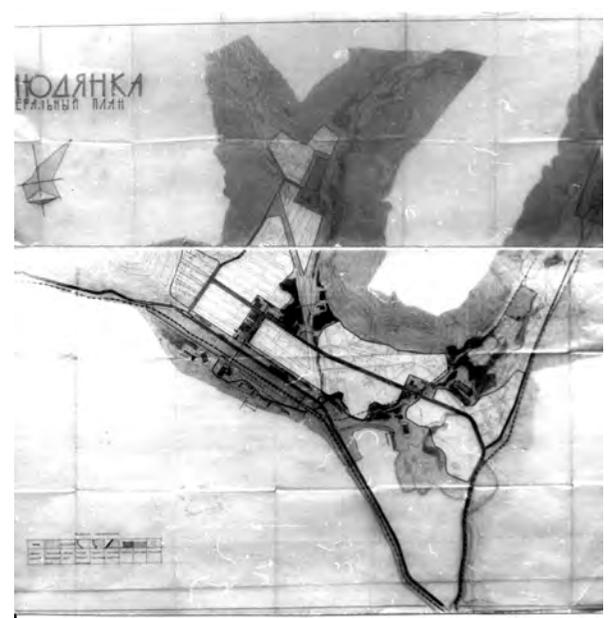
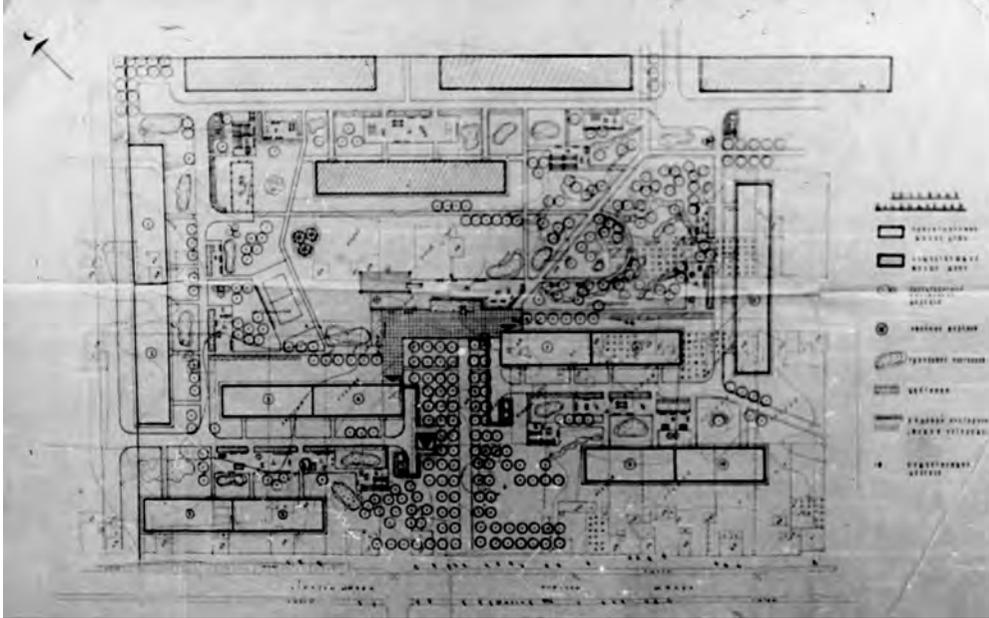
Моя иркутская история будто специально сложилась так, чтоб научить меня по очереди уважать все функциональные элементы, из которых складывается качество городской среды. Ново-Ленино: жилье очень мало стоит без транспорта и обслуживания. Усолье – и с транспортом, и с обслуживанием можно очень рано помереть, если общество не позаботится о чистоте среды. Опять проблема оказалась поставленной со всей реальной прямотой, про сохранение жизни в натуральную величину.

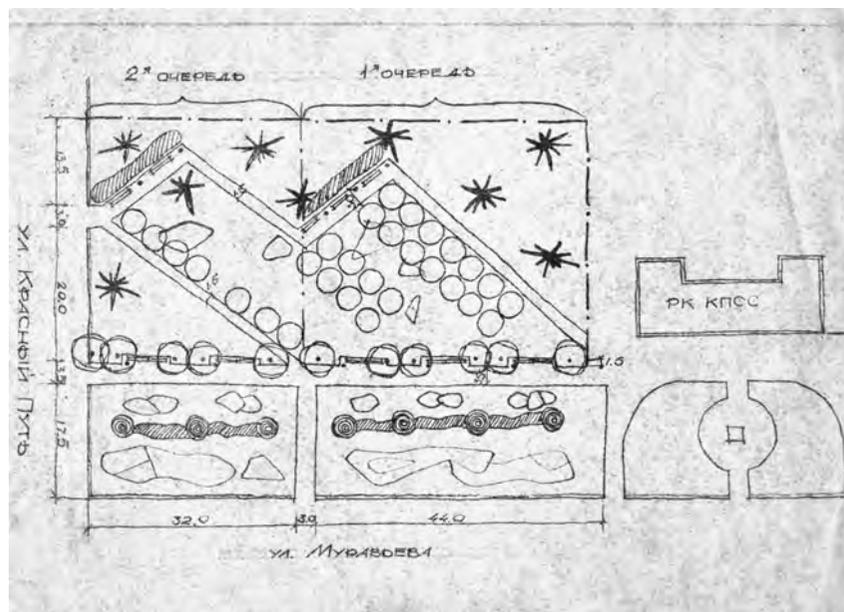
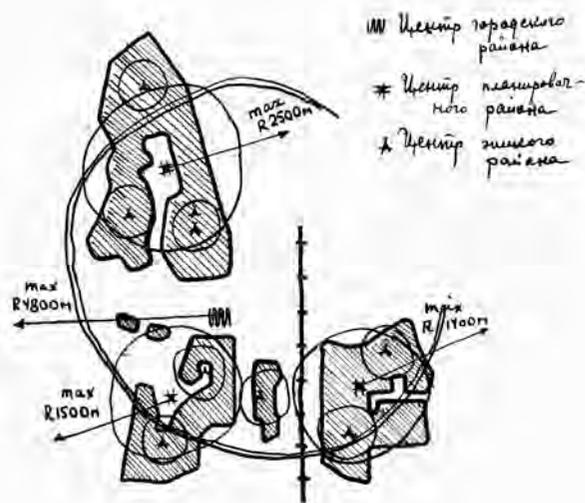
Для меня Усолье началось с вызова к Борису Михайловичу Кербелю. Меня решили назначить главным архитектором проекта по разработке генплана города, который являлся Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Значит, контролируется непосредственно Госстроем СССР. Такого Иркутскгражданпроект еще не делал. Так, сказав несколько слов о том, какая это ответственная и интересная тема, Борис Михайлович долго испытующе смотрел на меня своими пронзительными разноцветными глазами. Я почувствовал, что для самого Бориса Михайловича, и не только его, тоже важно, чтоб работа не провалилась, и мне стало страшновато. Так, под грузом двойной ответственности – моей обычной перед обществом, а тут и перед административным аппаратом прошли непростые два года. Они пахли хлором, были наполнены непрерывным напряженным ожиданием. Постоянно висел вопрос: почему? Почему, сколько мы ни стараемся, сколько ни находим решений, всё равно нужно что-

то еще, и еще, и еще. И опять непонятно, примут или нет, и почему.

Всё срочно. Сформировали сильную бригаду. Едем на место собирать, обновлять исходные данные. В бригаде – замечательный человек, отличный специалист-теплотехник, Валерия Юльевна Соколова. У нее – астма. А во время нашего пребывания в Усолье – «газовка!». Так тут называют, когда в результате утечки отравляющего вещества (пока это сравнительно безобидный хлор, не обладающий коммулятивным действием, как будущий тэтраэтилсвинец, ненакапливающийся в организме), дышать трудно. У города опыт: когда газовка, больницу срочно разгружают – больных, кого возможно, по домам – и всё для отравившихся, привозимых и на улицах подбираемых. Ночь. Валерии Юльевне плохо. По телефону вызвать скорую не удается. Нужно бежать за машиной в больницу или поймать ее где-то. Я, как единственный мужского пола участник события, отправляюсь, обмотав лицо мокрым полотенцем.

В центре города – большой пустырь. Это место зарезервировано под прекрасный культурно-торговый центр будущего, а пока – существенная транспортная накладка. Бежал, скользя и спотыкаясь в темноте. Слушал свое сердце, и колебался: то ли быстрее, пока хватает дыхания, или спокойнее, чтоб надолго хватило? Высоко в ясном небе заморгал огоньками, зажужжал ТУ-104. Прямоком надо мной, не обращая на нас внимания. Тогда мы часто летали в Москву, и мне представлялся салон, укомплектованный спокойными людьми, с ремнями безопасности, изящными стюардессами, журналами и напитками. Как так! Ведь это же наша единая страна! Понимал, что нельзя из-за нашей газовки жизнь останавливать, и всё же это как то не стыковалось. Скорую остановил на краю пустыря, нашу болящую взяли, все обошлось, успокоилось. За время работы над проектом так и не удалось ознакомиться с секретными данными по медицинской статистике. Вероятно, для кого-то это газовка оказалась не просто болезненной, но роковой. И ощущение, что городу необходимо новое серьезное решение, засело накрепко.

Кроме имеющегося завода, делающего хлор из поваренной соли (построенного по личному поручению Сталина, мне показывали у горархитектора подлинник распоряжения с его подписью), мы проектировали здесь крупнейший комплекс по производству искусственного каучука и фармацевтическое предприятие. Статус у комплекса был серьезный – как уже говорил, Всесоюзная Ударная Комсомольская стройка Большой химии. И, как у нас бывает, несмотря на отсутствие утвержденного генерального плана, стройка шла полным ходом. Комсомольские бригады прибыли, бетонировали и монтировали, подогреваемые непременно соцсоревнованием.

Я обратил внимание на то, что наш СНИП не был готов для решения стратегической задачи страны – строительства комплексов химии. Там пока был лишь простой перечень различных отдельных производств с указанием соответствующих разрывов до жилых зон. Поделился своим предположением с коллегами-ребятами, что в случае комплекса фактическое распространение ядовитых вредных веществ будет иметь особый характер. Это как раз было время развития ЭВМ, и у меня появилась простая мысль – не принимать по СНИПу, а рассчитать на ЭВМ фактически, с учетом рельефа и ветра, суммируя все источники, где сколько будет отравы. Наверно, тогда подобные мысли возникали и у других градостроителей, но мне об этом не известно.

Посоветовались с руководителем мастерской, Сергеем Андреевичем Гусаровым. Тот связал нас с самым подходящим в данном случае человеком – с замечательным физиком-метеорологом, экологом и краеведом, Николаем Павловичем Ладейщиковым. Очень здорово, что такой ученый оказался тогда в Иркутске! Николай Павлович подробнее с нами поработал, и «присоединил» к нашему делу профессора Иркутского Университета Николая Ильича Соколова, который со своими студентами сообразил просчитать и затем выполнил непосредственно по нашим исходным данным задуманные расчеты.

В блокноте у меня сохранилась запись, телефоны: «Н. П. Ладейщиков 36-30, 32-35; Н. И. Сергеев 45-

31». С Ладейщиковым мы встречались в его рабочем кабинете, а к Сергееву были приглашены домой. Мы пошли со Славой Воронежским. Замечательно красивым, совершенно таким, как надо, оказался и просторный деревянный дом на зеленом участке, и крутое крыльцо и терраса, и интерьеры с высокими окнами и обилием книг, и живой приветливый разговор седого профессора и его супруги. Мы узнали так много нового, важного, понятного и интересного, что даже стали сами «изобретать» способы защиты. Слава придумал: засыпать землю в полосе разрыва черной золой поверх снега, чтоб она сильнее нагревалась солнцем, грела прилегающий воздух, и заставляла его подниматься вместе с вредностями, в обход нашего жилья. Мы изобразили это в чертежах.

Объективный расчет, проведенный с учетом данных технологами концентраций вредных выбросов в конкретных точках предприятий, статистики ветров и пластики рельефа дал огорчающий результат. Оказалось, что при имеющемся размещении производств и строящегося жилья концентрации вредных веществ в воздухе жилой зоны будут примерно в 20 раз превышать предельно допустимые (ПДК)! Значит, нужно или переносить город из-под господствующих ветров (вверх к тайге, за железную дорогу), или проектировать и строить другие системы эффективной очистки. Срочно оформили краткое ТЭО, нарисовав вариант идеального нового города на новом месте, и покатали советовать-ся в Москву в Госстрой. Командировали троих: Буха, как главного архитектора института, меня и Воронежского. Нашу работу смотрели с интересом, хвалили за инициативу, в целом одобрили и просили скорее закончить в форме законченного генерального плана.

Приехали домой. Развернулся такой всеобщий аврал, подобного которому более я не видывал. Директор, Борис Израилевич Робей, не жалел ни средств, ни человеческого времени. По решению Володи Буха были изготовлены 10 качественных подрамников солидных размеров 2 м x 1.2 м каждый. Обтянуты полотном, ватманом, аккуратно выклеены

^ Схема обслуживания, проект планировки Ленинского (Северо-западного) района Иркутска.

^ Сквер на углу улиц Муравьева и Красный Путь

^ Иркутский пединститут,
Нижняя набережная

^ У водопада

подосновами. На вычерчивание и покраску чертежей мобилизовывались необходимые исполнители в ущерб любым другим темам. Работа шла полным ходом.

В пояснительной записке нужно было кроме основных табельных разделов изложить суть нововведения – расчета и обосновать выводы. Объем записки получился более 500 страниц, и по нормам оформления секретных материалов ее нельзя было переплетать как единый том. Пришлось спецработнику Г. Н. Щербатюк пойти на нарушение инструкции.

В срок все было готово.

Москва. Наш выразительный материал сначала смотрели в Госстрое СССР, потом перевезли в Гипрогор. Было приятно, когда старейший и виднейший наш градостроитель, главный в Гипрогоре Николай Иванович Кузнецов посмотрел и сказал: «Вкусно сделан проект!».

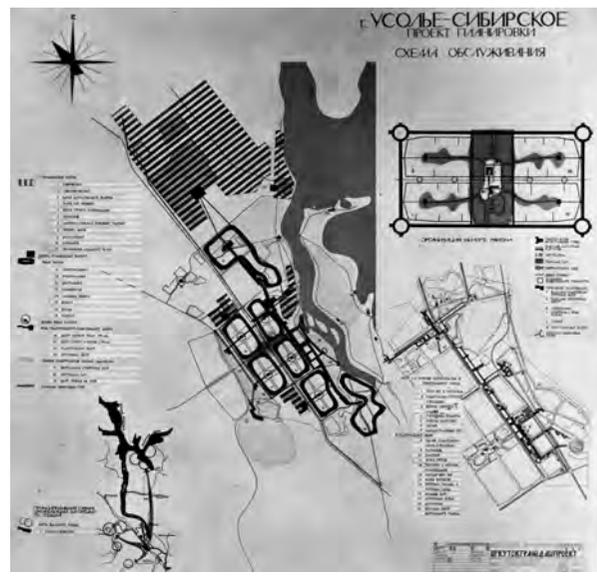
Но Москва слезам не верит. Одно дело одобрить прогрессивное ТЭО, другое – принять конкретное решение по строительству. Объем ежегодного ввода по городу фактически составлял порядка 200 тыс. м² жилья, остро необходимого новоселам. Естественно, не могло быть речи о прекращении строительства

жилья без угрозы для своевременного ввода промышленных объектов, стратегически необходимых стране. А перебазировать строительство на несколько километров на предложенные нами территории – это предварительно построить новые дороги, теплотрассу, энерготрассу, не говоря уже о сроках изысканий и проектирования. Сколько на это нужно дополнительных средств, ресурсов? Найти эти средства и ресурсы для сохранения здоровья людей в будущем? Не знаю, на каком уровне решался вопрос по существу. Мы ждали не менее десяти дней. Затем получили бумагу, в соответствии с которой наш вариант генерального плана отвергался. Предписывалось в порядке исключения, разрешить на следующий год построить еще 200 тысяч жилья рядом с существующим, в зоне вредности, и продолжить проектную работу по генплану.

У меня было желание продолжить диалог, обратиться к общественности. Как можно не остановить ход процесса, зная, что это приводит к повышению заболеваемости и смертности населения города, пусть даже некоторой его части, в 20 раз? Необходимо найти необходимые ресурсы! Но Бух и Воронежский были

> Расчет ожидаемого состояния воздушного бассейна к отвергнутому варианту проекта планировки г. Усолья-Сибирского (проф. ИГУ Н.И. Сергеев с группой студентов по разработанной специально собственной методике на ЭВМ, 1963г.).

> Схема обслуживания к отвергнутому варианту проекта планировки г. Усолья-Сибирского

уверены, что это, к сожалению, безнадежно, и мы вернулись в Иркутск. Я от дальнейшей работы с Усольем был отстранен. Через 9 лет, в 1972 году применение ЭВМ для определения зон вредности от производственных комплексов в генпланах городов было принято как обязательное нормативно.

Эпопея с Усольем оставила во мне отпечаток не менее глубокий, чем Ново-Ленино. Нервы выдерживали с трудом. Когда-то звучала фраза: «Человеческая жизнь, человеческое здоровье бесценно». Теперь, как профессионал-градостроитель, я знал, что это, к сожалению, не так в практике государств – и нашего и других.

Итог

Иркутск отпечатался на всю жизнь как светлое, полное борьбы и побед, молодое время.

Приехал в Иркутск героем, готовым горы сворачивать ради счастья людей. Был полон предвкушением счастья. Счастье должно было состояться, потому что я красиво и удобно, точно и реально, запроектирую и «построю» что-то необыкновенно нужное. К такому осуществлению мечты мы добросовестно и упорно готовились несколько лет. Но сделать удалось очень мало.

И зародился, и как оказалось, на продолжающуюся жизнь засел в сознании непреходящей болью простой вопрос – почему? Почему у нас, когда люди вокруг такие хорошие, и такие правильные правила нашей жизни, почему так мало хорошего удается реализовать? Почему невозможно построить точно и качественно, как задумал?

Тогда, вглядываясь в лица доверчивых, ничего не ведающих о перипетиях строительных битв новоселов, я только предчувствовал ответ. Теперь уверен, что его знаю. Беда в отсутствии обратной связи. И тогда, и сейчас расписанные в документах правила и нормы не соответствуют реальности. Мы привыкли к этой лжи, непрременной суете, временных нарушениях всего из-за постоянной бедности городских бюджетов. Обходимся без стратегического планирования, без

проверки истинной рациональности решений. Пока обратная связь не натянет, как струна, через весь процесс – от эскиза до заселения – четкую проверку оптимальности решения ради качества результата, не получится искусства. Произвол разрушает смысл конкурсов, и закрытость информации губит целостность городов. Восторжествует правда, это откроет путь искусству. Как практически это осуществить – тема отдельного разговора.

В Иркутске непростой воздух. Очень прозрачный, особенно в ясный зимний день. С высокого места, даже просто с тротуара или с набережной, видно далеко-далеко. Между домами и деревьями тебе открывается композиция необыкновенно мощной, крепко завязанной пространством и цветом, могучей гармоничной панорамы. Поэтому, я уверен, лицом к лицу с таким благом, люди в Иркутске меньше лгут и принимают более мужественные решения. Может быть, сейчас силы для того, чтобы повернуть нашу жизнь к лучшему, придут из Иркутска?

^ Школа на 960 учащихся, Старо-Ленино, ул. Мира.

^ Из окна, акварель

в РЧ группы «А» м-на 4 Ново-Ленино

